

ЛиХотня

ИРИНА ШАЙЛИНА

18+

Ирина Шайлина

Тихоня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71299780

SelfPub; 2024

Аннотация

Я – хорошая девочка. Настолько хорошая, что аж самой тошно. Помочь бабушке донести сумку? Пожалуйста. Посидеть с чужим ребёнком? С удовольствием. Занять кому-то и забыть о долге навсегда? Никаких проблем. А ещё не пью, не курю и никогда не сквернословлю.

Я даже цыганке не смогла отказать! Зато узнала, что буквально завтра я встречу свою судьбу.

Только я вовсе не ожидала, что судьба свалится на меня в виде совершенно не детских проблем и абсолютно не подходящего мужчины. И теперь одна тихоня против целого мира. Хотя нет, не одна – рядом со мной мужчина, которому нельзя верить, и которого невозможно забыть.

В тексте

#хорошая девочка

#плохой, но очень милый герой

#много юмора

Кто же кого испортит?

Содержание

Глава 1. Василиса	4
Глава 2. Василиса	19
Глава 3. Елисей	32
Глава 4. Василиса	44
Глава 5. Елисей	59
Глава 6. Василиса	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ирина Шайлина

Тихоня

Глава 1. Василиса

Кран тёк. Вода буквально барабанила по фаянсу раковины и мозгу – тру-си-ха, тру-си-ха... Капли не врут – это я понимала. Как и то, что прятаться в туалете – абсурд. Надо уже решиться и выходить во враждебный вентуалетный мир.

– Давай же, – подбодрила я себя. – Не будь тряпкой. Иди, и покажи кто в доме хозяин.

Прислушалась – из комнаты доносились крики. Поежилась. А может, не надо? Тут посижу. Хорошо тут. Уютно. Правда, унитаз – не кресло, попа устала, но я вроде бы уже привыкла. Капли вот только... обвиняют. Решившись, я рывком встала. Открыла надоевший кран – надо уже пожаловаться, пусть починят – умылась холодной водой. По-наслаждалась одиночеством ещё минуточку и вышла в среду агрессоров.

Теперь следует сказать – я работаю воспитательницей в детском садике. Внезапно оказалось, что дети, которых мне привели пять лет назад милыми карапузами, выросли и слушать меня не желают. Хотя с чего бы им слушаться? Никто до них этого не делал. Когда чувствую, что скоро разревусь,

я прячусь от них в туалете. Наша нянечка – пенсионерка тетя Люда – осуждающе качает головой и идёт наводить порядок. Вот её дети слушают.

– Уничтожу! – крикнул Коля Северцев.

Я вздрогнула и вжала голову в плечи. К счастью, это адресовалось не мне, и даже не другим детям – Коля уничтожал плюшевого медведя. Колю я боялась больше всех остальных детей вместе взятых. Втайне лелеяла мечты, что однажды решусь и отшлепаю его, но моим мечтам не суждено сбыться – Уголовный кодекс, заведующая садиком и мамино воспитание не позволяют.

Моя мама свято верила в превосходство мужчин. Степку – моего старшего брата – поощряли на подвиги и приговаривали «ты должен вырасти настоящим мужчиной», а меня гладили по голове и говорили «хорошая девочка». Комплекс хорошей девочки просто вбилась мне в голову и отказывался выбиваться обратно. Поверьте, быть хорошей девочкой плохо. Очень плохо. Никогда не будьте хорошими.

– Так! – крикнула я как можно громче. – Девочки – в одну шеренгу, мальчики – в другую! По очереди идём умываться и писать! Девочки первые!

Слушались они меня неохотно. Мальчишки подрались. Я с тоской смотрела по сторонам, но тетя Люда ушла по своим – нянечкиным – делам. Придётся самой.

– Пожалуйста, – попросила я драчунов, – не надо. Моя смена через час заканчивается, отпустите меня с миром!

– Он первый начал!

Я поняла – сейчас они подерутся снова, и как с ними совладать – не знала. И в туалете больше не спрячешься – нянечки нет. А без присмотра они и вовсе всю группу разнесут.

– Знаете, что? – нашла выход я. – Если сейчас не будете драться и поможете мне организовать поход в туалет, то я вам в тихий час телефон дам поиграть. Обоим. По очереди. Договорились? Играть будете до тех пор, пока Юлия Павловна не придёт.

– Клянешься?

Я поклялась. А куда деваться? Мальчишки развели бурную деятельность – вскоре все были в пижамах, умытые, с пустыми мочевыми пузырями. Нужно взять метод с телефоном на вооружение – очень действенный. Спали дети неохотно – большие же. Но большая часть к концу тихого часа уставала бороться со скукой и засыпала. Наступало блаженное время тишины. А также – пересменка. Я домой пойду, дальше пусть страдает Юлька.

Телефон зазвонил, когда дети уже укладывались. Юлька. Мне очень не нравился факт, что она звонит перед концом моей смены. Если повезёт, то она просто спросит, есть ли у нас чай, а то она как раз проходит мимо магазина... Не повезло.

– Прости меня, – сказала она, сходу разрушая все мои мечты попасть домой. – У меня муж заболел. Сильно. Ну ты же понимаешь – мужики в этом плане хуже детей.

Нет, не понимала – я замужем не была. Жила с Алешкой почти год, но то не считается, заболеть он не успел ни разу. И вообще, её мужу тридцать два. Он что, один поболеть не может? И очень хотела сбросить звонок и не слушать больше, что там Юля говорит, но я же хорошая девочка. Разговор придётся продолжить.

– Я за тебя в понедельник отработаю весь день. Или заплачу. Две тысячи за смену достаточно? Я знаю, ты же купишь...

– Только в понедельник выйди, пожалуйста, – ответила я, понимая, что отказать снова не сумею. – Хотя бы в свою смену.

Юлька расцеловала трубку и сбросила звонок. Мне снова захотелось плакать и прятаться в туалете. Теперь не радовало даже то, что завтра суббота – мне ещё столько часов работать. Внутри закипало негодование. Причём злилась я даже не на Юльку. На себя. Почему я такая тряпка? Злость бурлила и грозила выплеснуться наружу. Я перебрала мысленно все плохие слова, которые подходили случаю.

– Дрянь! – громко крикнула я.

Детишки притихли и посмотрели на меня удивлённо. Мне стало стыдно. Аришка – моя любимица – подошла ко мне и обняла за ногу. У Аришки аутизм, но в лёгкой форме. На контакт она идёт хорошо, с удовольствием обнимается, но часто замыкается в себе. Иногда настолько, что родители забирают её из сада на добрый месяц. Я скучаю по ней, но пре-

красно её понимаю – она просто от всех устала. Я бы тоже начинала кричать и плакать каждый раз, когда кто-то из детей ко мне подходит, но мне нельзя – я воспитательница.

– Что такое дрянь? – спросила моя Аришка.

– Золотце, – опустила я рядом с ней на колени, – это плохое слово. Я не должна была его говорить. Забудь о нем, пожалуйста.

– Я постараюсь, – серьёзно ответила она.

Над нами пролетела оторванная плюшевая голова – Северцев все же уничтожил медведя. Голова врезалась в стеллаж с поделками, и они посыпались на пол. Я вздохнула и пошла укладывать детей спать. Потом села, налила себе чая. Дверь спальни открылась, выглянул один из моих мучителей.

– Мы всех огра... орга... В общем, от слова организация. А вы обещали телефон.

– Садись рядом, – смирилась я. – В спальне играть не дам. Иначе все просить начнут.

Играли они по очереди, полчаса каждый, и не дали мне толком насладиться тихим часом. К концу рабочего дня я представляла собой жалкое зрелище и каждого родителя готова была встречать аплодисментами. Мы гуляли на площадке, сразу оттуда деток и забирали. Северцева, как всегда, последним.

– Дрянь, дрянь... – услышала я слова Коли, выходявшего из калитки с мамой за руку.

Ясно. В понедельник точно придётся общаться с заведующей. Я взмолилась – пусть Коля не расскажет, где услышал это слово! Бог, кстати, тоже меня не слушал, как и остальные. На дороге домой я зашла в супермаркет. Стресс нужно снять чаем с чем-то вкусненьким. Тем более, если Юлька и правда мне две тысячи заплатит, я даже могу себе это позволить. Поэтому разгулялась – взяла дорогой йогурт на завтрак, две шоколадки, кусок сыра и даже кусок свежей телятины. Из магазина выходила, уже чувствуя себя человеком. Зря.

Цыгане в нашем районе обосновались недавно, и сразу все заполонили. Кругом бегали дети, часто, несмотря на май, босоногие. Зато все девочки – в длинных юбках. Просили милостыню, шантажировали, приставали... С моим «умением» говорить «нет» я старалась их избегать. Сегодня не получилось – окружили толпой. Ну как толпой – человек шесть, но у страха глаза велики.

– Дай на хлебушек, моя хорошая, – попросила взрослая женщина лет пятидесяти, в цветастом платке.

– Нет, – попробовала отказать я. – У меня налички нет – тридцать рублей на проезд осталось.

– Тридцать рублей тоже деньги!

Я сдалась и начала шарить по карманам – все равно так просто не отстанут. Выгребла все, что нашла, ссыпала в смуглую ладонь. Придётся завтра, прежде чем ехать, дойти до банкомата – налички и правда не осталось.

Цыгане загалдели, благодаря так, словно я, по меньшей

мере, миллион им дала. Наобещали с три короба и счастья, и здоровья всем моим потомкам до седьмого колена. Я мечтала только о том – чтобы они меня уже пропустили.

– Постой, – вдруг сказала та самая, в платке с цветами. – Дай руку.

– Не нужно!

Для убедительности я даже спрятала её за спину, а вторая пакетом с покупками занята. Я уже начинала паниковать – слишком много давления! Цыганка слушать не стала и буквально вынудила меня протянуть руку. Моя ладошка в её казалась совсем изнеженной – белая, пальцы тонкие, длинные... Цыганка перевернула ладонь, посмотрела на линии.

– Я прям издалека почувствовала, – сказала она. – Вообще, я так себе гадалка, но порой судьба просто кричит – невозможно не услышать. Дорогая моя, твоя судьба встретится тебе завтра. Избежать не сможешь. Куда ни иди – к нему придёшь.

– Мужчина? – икнула, переволновавшись.

– Мужчина, – подтвердила она. – Только просто не будет. Я даже не знаю, будет ли счастье... Знаю только, что его ты не забудешь.

– Ну спасибо, – отобрала я свою руку.

Я им последние тридцать рублей, а они мне даже хэппи энда не нагадали! Зато толпа, наконец, расступилась, и я смогла уйти, но ещё некоторое время стояла и смотрела вслед женщинам в развевавшихся юбках. Они шли, смеясь и уже

про меня забыв, а у меня, казалось, линии на ладони огнём жжёт. Самовнушение, не иначе. Или гипноз цыганский. Надо проверить, может, паспорт и банковскую карточку украли.

Я потеряла ладонь о юбку и посоветовала себе выбросить гадание из головы. Пусть я и мямля, но рациональная – в глупости не верю. К ночи и правда забыла – слишком много было хлопот. От бабушки нам с братом досталась двухкомнатная квартира. Пополам мне и Степке. Бабуля искренне ненавидела всех людей сразу, не делая исключений для своих внуков, поэтому я очень удивилась, что она написала завещание. Я даже пожалела, что так мало с бабушкой общалась, может, я просто плохо её знала?

Жить вместе нам с братом надоело ещё в школе, поэтому квартиру мы продали. Степка сделал первоначальный взнос и взял ипотеку. Вся моя зарплата была размером как раз с ипотечный платёж, поэтому такое удовольствие мне не по карману, и я купила комнату в четырёхкомнатной коммуналке. И... жить стало весело. Самой хорошей соседкой была баб Лиза, но год назад она умерла. Её комнату выкупили Сидоровы – теперь у них две: в одной живут они, а вторая – для детей. И последняя моя соседка – Машка. Сколько лет Машке, не знает, наверное, даже она сама. Работает она дворником и периодически уходит в запои. Часто меняет ухажеров и ведёт очень активный образ жизни.

Этим вечером у неё расставание с очередным кавалером. Скандалили они долго, громко и со вкусом. Потом другие соседи не выдержали и начали орать на них. Я отсиживалась у себя, стараясь не отсвечивать, и думала – на фиг такую судьбу. Я лучше одна. Спокойно попить чаю удалось только ночью. А утром я проснулась от надсадного рёва перфоратора за стеной. Проклятье! Опять Сидоровы ремонт затеяли. Ну сколько можно? Дочка Сидоровых заняла ванную на добрых полчаса, и мне пришлось долго и упорно ждать. К тому времени, как вышла, у кого-то сгорела каша на плите, и в коридоре невыносимо пахло гарью.

– Подкинь сотку до зарплаты, – поймала меня Машка. – Мужики – сволочи. Мне срочно нужно выпить.

– Ты мне прошлый долг не вернула, – напомнила я.

– Так все вместе и верну.

Я вздохнула. Потом вспомнила, что у меня налички нет. Машку это не пугало – она с готовностью вызвалась проводить меня до банкомата. В довершение всего позвонил Алешка. Лёшка – это мой бывший. Я даже чуть замуж за него не выскочила, но бог миловал.

– Привет, – он, казалось, всегда был мне рад, и это смущало. – Может, встретимся?

И тут я вспомнила про гадание. Испугалась. Надеюсь, моя судьба – это не Лёшка! Да быть этого не может! Снаряд в одну воронку дважды не падает. Мне для счастья вполне хва-

тает Сидоровых, Машки и толпы моих дошколят. Лешки я уже не вынесу.

– Не могу, – честно ответила я. – Я к маме сегодня. Суббота – мамин день, забыл?

– И правда, – пригорюнился он. – Забыл.

Я оделась и вышла на улицу, позабыв съесть дорогой йогурт. Машка шла рядом и безостановочно трындела, не давая спокойно размышлять на тему, кто из встреченных мужчин мог бы быть моей судьбой. Перспективы не радовали. А потом оказалось, что в банкомате нет сторублевых купюр.

– Дай пятьсот, – взмолилась Машка. – Я отдам. Клянусь!

– Врешь ведь, – вздохнула я. – Зачем клясться?

– Зуб даю!

Зубов у Машки осталось мало, буду надеяться, что такая клятва и правда что-то да значит. И пятьсот рублей я ей дала – жалко стало непутевую. И потопала на автобус, навстречу маме и, возможно, своей судьбе.

Мама лепила пельмени. Вообще, лепка пельменей – её хобби. Она говорила, что таким путем постигает дзен. Я села на стул, смела немножко муки с краешка стола в центр, чтобы не испачкаться.

– Мне цыганка нагадала, что судьбу свою сегодня встречу, – задумчиво пробормотала и нарисовала на муке смешную рожицу.

– Василиса! Ты же хорошая девочка! Какие цыгане?

Да, мама зовет меня Василисой. Думаю, излишне будет

говорить, что полным именем ко мне обращалась только она. Все остальные называли меня Васькой, что добавляло мне хлопот. Степка вовсе шутил – хорошего человека Васей не назовут. Посмотрела бы я на него, если бы его звали Катей.

– А вдруг? – спросила я.

Мама отряхнула руки от муки и сердито посмотрела на меня. Сложила пельмени на разделочную доску один к одному и убрала в морозилку. Потом снова взор на меня обратила.

– Нужно выбить из тебя дурь, – рассердилась она. – Говорила тебе, не нужно бросать аспирантуру. Сидела бы шас в институте, бумажки с места на место перекладывала и хлопот не знала.

Мама считала меня умной. А я такой не была. Я была... старательной. Возможно, я бы доучилась. Защитила бы кандидатскую. Но мысль о том, что мне всю жизнь придётся изучать чужие научные работы, выдирать из них куски, чтобы, собрав мозаику из чужого, выдать за свое, вводила меня в уныние. Тем более студенты пугают меня куда больше дошколят.

– Нельзя выбить из дурака дурь, – упрямо возразила я. – Он же умрёт.

– Глупости. На тумбочке ключи от дачи. Я завтра огурцы сажать хотела, а вскопать некому. Вот дурь и выбьется.

Я обиделась. Даже думала бунт устроить – взять и не по-

ехать. Но потом подумала – дома пьяная Машка, дети Сидоровых и перфоратор. А на даче только лопата и адский труд. И согласилась. Попрощалась, взяла ключи и снова потащилась на остановку. Светило солнышко, я глазела по сторонам. Правда, выглядывать судьбу перестала – мама сбила настрой.

– Васька! – раздалось сзади.

Ребенок, которого вела за руку бабушка, обернулся. Мне тоже пришлось – голос был Алешкин. Сам бывший выглядел неважно – под глазом синяк, активную фазу уже прошёл, сейчас наливается зелёным, бровь разбита. Похудел совсем без моего присмотра. Я тут же взмолилась – судьба, пожалуйста! Ну вот только не он, только не он!

– Я решил тебя тут покараулить, – смущённо признался он. Попытался даже покраснеть, но безуспешно. – Поговорить надо очень. Вопрос жизни и смерти.

– Говори, – смирилась я.

Мы стояли возле остановки. Знала бы, что так дело обернётся, выбрала бы более приватное место. А сейчас я просто хотела отвязаться от Лешки как можно быстрее.

– У меня проблемы... крупные. Мне свалить нужно, желательно подальше и долго не высовываться. А денег нет, Вась, совсем! Займи мне сто тысяч. Я же знаю, ты давно копишь.

Я потеряла дар речи. Да, я и правда коплю. Давно – лет десять уже. И коплю не для того, чтобы взять и отдать деньги Лешке. Во мне зрело нечто, для меня необычайное – отпор.

Меня просто изумила чужая наглость!

– Лёша! – крикнула я. – Ты с ума сошёл? Да ты представляешь, сколько я эти деньги копила? Нет, Лёша. Нет, нет и ещё сто раз нет!

– Но меня убьют, – не сдавался Лёша. – Вась, ты же хорошая.

И вот тут я окончательно разозлилась. Почему все считают, если я хорошая, то об меня ноги можно вытирать?

– Пусть убьют! – выпалила я. – Да я бы сама тебя убила! Ты был милым, тихим алкоголиком! Зачем ты полез в криминал, Лёша?

– Бес попутал, – всхлипнул Лёша. – Денег хотелось.

– Я тоже денег хочу, – зло возразила, изумляясь самой себе. – Но я не выпрашиваю их у других людей! Все, видеть тебя больше не желаю!

Повернулась к остановке. Все, ожидаемо, смотрят. Даже мальчик Вася. Мне стало стыдно. Но денег я не дам, пусть даже не мечтает. И вообще... кричать было даже приятно.

– Концерт окончен, – сказала я зрителям.

Ехать на автобусе сразу перехотелось – все эти люди будут на меня смотреть и думать, что я злая. А я не злая. Я хорошая! Но эти деньги мне непросто даются, и расставаться с ними я не намерена. Я коплю на мечту, а не на проблемы Лешки. Я развернулась и пошла прочь быстрым шагом. Со злости даже под ноги толком не смотрела. В итоге задела урну пакетом. О зацепился о металлический край и порвался,

и все содержимое высыпалось. И пакетики с семенами огурцов, и упаковки удобрений, и новая насадка на лейку – все это мама заставила меня отвести на дачу. Я опустилась на корточки и торопливо принялась собирать.

Потянулась к пакету с семенами кориандра, которые, судя по описанию, должны были вырасти даже на северном полюсе, и отдернула руку. У меня появился помощник. Его рука была покрыта тёмным, несмотря на май, загаром, я видела несколько родинок на запястье. Пальцы были длинными, но отнюдь не такими тоненькими, как у меня. Вообще рука была... сильной. Пакетик семян казался в ней совсем крошечным.

– Возьмите, – сказал мужчина низким, чуть хрипловатым голосом. – Это ваше.

Я подняла взгляд. И вдруг показалась себе муравьишкой, который в страхе застыл перед небоскрёбом, подняв голову и изумившись мощи препятствия, появившегося на его пути. Мужчина казался огромным. Но не толстым, отнюдь. Великан. Мощные руки, плечи, шея. Короткий ёжик тёмных волос. Глаза скрыты за солнцезащитными очками, и я этому рада. Мне вдруг показалось, что он просто возьмёт и загипнотизирует меня взглядом, словно кролик удава. Я не хочу знать, какого цвета у него глаза. Я – Васька Щеглова, воспитательница в детском саду, всю жизнь откладывающая на поездку мечты. В моей Вселенной таких мужчин нет. Они обитают где-то в параллельном мире.

– Спасибо, – поблагодарила, перейдя на шёпот.

В горле вдруг пересохло. Отчего-то я испугалась... Мужчина легко выпрямился и пошёл дальше, больше на меня и не взглянув. Шёл он в ту же сторону, в которую удалился расстроенный Лёшка. У меня чуть подрагивали пальцы. На остановке другие люди – несколько автобусов уже прошло. Я вернулась и поймала себя на том, что все ещё оборачиваюсь, пытаюсь разглядеть мужчину, который так поразил и испугал меня.

Глава 2. Василиса

Нечаянная встреча меня так поразила, что я чуть не забыла, что мама отправила меня в ОБИ. Там скидка шла на коротенькие заборчики из пластиковых цветов, которыми мама решила непременно огородить наши дорожки. Вспомнила, когда вывески магазина уже поплыли мимо, пришлось выйти на следующей и возвращаться пешком. В магазине ажиотаж – в жизни бы не подумала, что на это пластиковое великолепие такой спрос. Я успела втихаря схватить одну упаковку. В ней было несколько секций, весила она немного, но была жутко неудобной в транспортировке. Я устала уже в очереди на кассе стоять, тем более она была бесконечной. Тоскливо думала – не вызвать ли такси? Потом вспоминала, что отдала пятьсот Машке, а Юля вовсе неизвестно даст мне две тысячи или нет. Поэкономлю. Потом вспоминала про Лешку. Пригрела я его из большого одиночества и не менее большой бабской жалости. Лёшка милый. Долговязый, худой, симпатичный. Казалось, что он пьёт только из-за того, что у него женщины нет. Я лелеяла надежды, что уж со мной то он пить перестанет. Не перестал, а потом так даже больше начал.

– Лёша, ну, ней пей ты, пожалуйста, – уговаривала я.

Он меня не слушал, я пришла к выводу, что женщина ему нужна наподобие нашей тетё Люды. Она просто дала бы ему разочек кулаком, и тот, если не помер бы, то остепенился. Я

терпела. Когда он ещё и в сомнительные дела ввязался, моё терпение лопнуло. Одно дело с алкоголиком жить, да все так живут, и мама двадцать лет жила – пока не надоело. А другое дело с человеком, которого в любой момент могут посадить в тюрьму. Но вы представляете, как тяжело уйти от мужика, если ты настолько хорошая?

– Лёша, я от тебя ухожу, – решительно говорила я.

– Я без тебя пропаду, – начал канючить Лёшка. И не врал, и правда, пропадёт. – Я брошу. И пить брошу. И общаться со всеми, кто тебе не нравится.

Я жалела его и давала ему испытательный срок. Несколько дней и правда потом не пил. По вечером сидел хмурый и печальный, но трезвый, как стеклышко. А потом начиналось.... Я только одну бутылку пива, честно, я просто друга детства встретил, как не выпить... Потом пропадал вечерами – значит опять играет в «Бригаду». Лавры криминального авторитета не давали ему покоя.

Так и тянулась бы эта история бесконечно – вроде и надоел пуще горькой редьки, и бросить жалко. Но вмешался его величество случай. Однажды ко мне в гости пришла Ангелина. Ангелина, это моя подруга детства, правда, при встрече с ней мы не напиваемся. Все бы хорошо, но дома меня не было – заведующая собрала всех, кто не успел вовремя уйти, и долго воспитывала на тему, что после двадцатого числа мы должны у всех родителей просить квитанции. А то не платят, накопится, потом вытряхивай из них. Я, прося квитанцию

начинала краснеть и заикаться, поэтому на таких мероприятиях чувствовала себя вселенским злом – все из-за меня. И домой шла удрученной. А в моей комнате Ангелинка совсем голая, и Лёшка тоже.

– Ты же сказала, что только через час придёшь, – обвинил меня Лёшка. – Я бы успел.

– Отпустили раньше и такси взяла, – объяснила я, и на стул села. – Просто устала очень.

Лёшка извинялся, путаясь в штанинах, оба торопливо одевались. Ангелинка махнула на него рукой, и села напротив меня.

– Он алкоголик, – предупредила я.

– Просто, ты его не понимаешь, – возразила Ангелина.

– Если что, я предупреждала, – решила напомнить я. – Лёша, собирай вещи, ты переезжаешь к Ангелине!

Лёшка пытался возражать. Меня бы он уговорил, но Ангелина – бой-баба. В рекордные сроки забрала свою добычу и уволокла. Я... испытывала облегчение. Перестелила белье, легла одна спать и мысленно Ангелину благодарила. Она, кстати, тоже его бросила через три месяца, сказав – и правда, алкоголик. А помимо сомнительной деятельности ещё и игроман. Наверное, я этого факта по наивности не замечала. Лёшка попытался было вернуться ко мне, но я подключила свою маму, а она тоже бой-баба. В итоге, все закончилось хорошо. Но иногда Лёшка возвращался и просил денег. Если немного, то я давала. Но сто тысяч... перебор.

До дачи я добралась уже ближе к вечеру, но он, весенний и тёплый был светлым. Я решила, что вполне сумею вскопать два парника под огурцы. Может, даже тут ночевать останусь – наш домик в кооперативе был крайним, клином выдавался в чахлый лесок и соседей почти не было, а те, что были на дачу наведывались только жарить шашлыки. По этой причине тишина тут стояла страшная – никаких тебе Машек и перфораторов.

Пластиковые цветочки оставила в саду. Пусть мама разбирается, куда их и зачем, я переночую и сбегу с утра. Поднялась на скрипучую веранду, засунула ключ в замочную скважину и удивилась – открыто. А мама в этом плане параноик, сто раз проверит. Осторожно вошла внутрь, вроде тихо. Дача у нас небольшая – гостиная, она же столовая и спальня для гостей, кухня и мамина комната. В гостиной все хорошо. В открытую дверь спальни видно аккуратно застеленную постель. Но я чувствовала, что в доме кто-то был – запах изменился. Пахло водкой, я после жизни с Лешкой её аромат за версту чую, и ещё чем-то похожим на сырой металл. Я шагнула на кухню. И остановилась. На полу лежал Лёшка.

– Лёш, ты чего? – удивилась я. – Я же сказала, что не дам денег.

Лёшка не ответил. И тогда я поняла, что вот этот неуловимо металлический аромат, это запах его крови. И что Лёшка мертвый. Вряд-ли он лежал бы и смотрел в потолок так равнодушно, если бы живой был, а на столе ещё пол бутылки

водки недопитой. И тогда я сделала единственное, что смогла – завизжала. Выбежала на улицу. Искала телефон и никак не могла найти, куда же он делся? А когда нашла убедилась – разряжен. Чтобы вызвать полицию мне придётся войти в дом и поставить его на зарядку хоть на пять минуточек. Я вошла. Телефон на зарядку поставила. А потом решила посмотреть – а вдруг, все же, живой? С чего бы ему умирать, тридцать лет только.

Он был неоспоримо мертв. Я даже видела рукоятку ножа, которая торчала в его животе чуть справа. Наверное, печень задела, сказала моё внутреннее я, которое почти поучилось в аспирантуре. Оно любило отмечать такие мелочи и констатировать безучастным тоном. Одна тапка у Лёши слетела, а вторая была безоговорочно моей. И халат тоже мой. На столе бутылка водки, две рюмки, порезанная на дольки помидорка и открытая банка шпрот. Одна шпротина лежала на надкусанном куске хлеба. Именно вид этого немудреного бутерброда и донёс на меня наконец мысль – Лёшка и правда мертв. Окончательно и бесповоротно.

А внутреннее я бесстрастно шепнуло – тебя посадят в тюрьму.

– С чего бы это? – возразила я вслух.

Ну, сама подумай, принялось перечислять моё я. Всё считают, что он тебя бросил. Поди объясни, что ты сама была рада от такого подарка судьбы избавиться. Куча человек сегодня слышала, как ты обещаешь его убить. Наконец, этот

товарищ упокоился в твоём халате и даже тапочке. Дом полон твоих отпечатков. Я сползла на пол и заскулила.

– Не хочу в тюрьму, – простонала я.

Мигом вообразила, как начинается следствие. И сколько людей на меня будет давить. Я не смогу, сломаюсь. Я даже покушение на Ленина на себя возьму. Представила, и заплакала. Снова включился внутренний голос. Закопай его, сказал он. Он же одинок. Его никто не хватится. Мама три года назад умерла, сестра от него устала ещё больше, чем я. А пока про него вспомнят, про мою ссору с ним все свидетели позабудут.

Я заскулила – закапывать труп не хотелось. Но в тюрьму мне хотелось ещё меньше. И Лешку было жалко. Конечно, все шло к тому, что именно так он и кончит, но не на моей же даче! Я страдала ещё минут десять. Потом решилась. На Лешку не смотрела – и стыдно, и страшно. Прошла в сарайчик и взяла лопату. Лесок только подернулся свежей листвой, но видимость была почти нулевая – все заросло непроходимыми кустами. Я нашла уединенную полянку и решила копать. Популярностью сей лесной массив не пользовался, ибо никаких тут тебе достопримечательностей. Чахлые деревья да колючие кусты. Был шанс, что Лешку не найдут.

Земля была чуть влажноватой, рыхлой, припорошенной листвой и изрытой червями. Сначала казалось, что копать будет легко, но чем глубже я уходила, тем жестче становился грунт. Я погрузилась только по колено, а сил уже не было.

Скоро темнеть начнёт, а быть в одном лесу с мёртвым Лешкой ещё страшнее. Я заплакала и удвоила усилия, в результате погрузившись в могилу почти по бедра. Больше я бы просто не смогла – камушки пошли с глиной, лопата скрежетала и вязла.

Я вернулась в дом. Идти с пустыми руками – двенадцать минут, я засекала. Хорошо, что наш домик крайний. Лёшка все так же лежал, никуда не делся, полиция не приехала, соседи, никого не было... я уже даже хотела, чтобы меня кто-нибудь остановил. Не верилось, что я и правда это делаю. Но останавливать меня никто не спешил.

На Лешку смотреть было страшно. Поднять я бы его не смогла, но он лежал на ковре. За ковёр меня мама убьёт, но так мне и надо... я схватила за концы ковра и поволокла. По гладкому полу и дело шло гладко. По каменной дорожке сада терпимо. А по заросшему травой, кустами и заброшенному сухими ветками и листвой саду – убийственно.

– Вот донесу тебя, Лёш, – сказала я. – И рядом лягу. Пусть приходят, пусть делают что хотят. Хоть в психушку, хоть в тюрьму...

Волокла я долго и упорно. Вопреки собственным ожиданиям – дотащила. В могилу красиво опустить не получилось. Ещё и оказалось, что она коротковата – пришлось подогнуть Лешке ноги. Бросать землю на его лицо я бы не смогла, пришлось возвращаться домой и накрывать бывшего пледом. Когда я наконец начала закапывать уже стало темнеть. Зако-

пала. Прямоугольник выделялся ярким пятном свежескопанной земли. Надо закидать листьями, подумала я, но сил не осталось. Я села, обняла лопату и погрузилась в пучину отчаяния и самобичевания.

Долго самобичеваться не вышло – захрустели кусты, кто-то шёл. Надо было, наверное, убежать, но я так устала, что сил не осталось даже встать. Ветки раздвинулись в разные стороны, и на полянку вышел... гигант. Тот самый мужчина, которого я видела днем. Одет он был иначе – водолазка, приглушенно серого цвета, которая обтягивала его тело, как вторая кожа, демонстрируя великолепную мускулатуру, потертые джинсы, на голове бейсболка. Без очков. Я не смела смотреть ему в глаза. Быть здесь мужчина не мог, но это точно был он. Я таких раньше вообще не встречала.

– У меня пёс сбежал, – вдруг сказал он абсолютно обыденным тоном. – Вы не видели? Такса рыжая. На ошейнике написано – Коржик.

– Нет, – ответила я осипшим голосом. – Коржика я не видела.

Мужчина пересёк полянку, намереваясь идти дальше. Я все сидела, обнимала лопату и смотрела на испачканные носы своих кроссовок. Уходи, думала я. Уходи, пожалуйста. Но он остановился.

- А что это вы тут копаете? – заинтересовался незнакомец.
- Трюфеля, – сказала я, сама порядком прифигев.
- А зачем? – вопрос удивлённый, вполне резонный.

– Они же дорогие. Цена на аукционах Европы достигает десяти тысяч долларов за килограмм, а у меня как раз денег нет.

Незнакомец остановился, обернулся ко мне. Я снова опустила взгляд. Мудрое внутреннее я шепнуло – не смотри ему в глаза, ни в коем случае не смотри!

– И много накопили?

– Ни одного. Но я не теряю надежды.

Я взмолилась – ну вот теперь то уходи! Я словно в спектакле участвовала. Красная шапочка и серый волк. Вместо пирожков труп. Декорации – лес, умеренно дремучий. Я помнила – Красная Шапочка кончила плохо. Но ей хотя бы повезло нарваться на храбрых дровосеков. Сомневаюсь, что мне так же подфартит.

– Может вам помочь? – любезно спросил мужчина. В сочетании с тихим вкрадчивым голосом звучало жутко. – Мне бы тоже деньги не помешали.

Я все не смела поднять глаз. Так и сидела, тискала свою лопату. Подумала вдруг, что сей садовый инструмент мог бы стать оружием. Стукнуть по голове и прикопать рядышком. Будут у мамы за дачей две могилки. Может, я бы и рискнула. Красная шапочка в моем исполнении могла бы выйти очень дерзкой. Но я понимала – если только в мечтах. В жизни я слишком забитая, к тому же измучена похоронами бывшего. А незнакомец – гигант. С ним бы и Тайсон не сладил, не то, что тихоня с лопатой. Оставалось надеяться, что он уйдёт с

миром.

– Мне срочно нужен дровосек, – вырвалось у меня.

– Простите, что?

Я посмотрела на его кроссовки. Носы чуть потерты. Очень дорогие, мне явно не по карману. Виднеется резинка белых носков. Правильно, за красными шапочками нужно строго в белых.

– Я... все на сегодня, – выдохнула я. – Мне к бабушке нужно. Пирожки отнести. То есть, вскопать грядку.

– Удачи, – сказал незнакомец.

И... ушёл. Я даже поверить не могла. Сидела и прислушивалась к хрусту листвы под его ногами. Ушёл... Правда, ушёл? Я вскочила на ноги и понеслась сломя голову, два раза упала, споткнувшись, оцарапала колени и ладони. Боялась обернуться. Мне казалось, он идёт за мной. Спокойным шагом, а я бегу, бегу и не могу убежать.

Влетела на свой участок, хлопнула калиткой. Запирала её и увидела – никто за мной не шёл. Лес был тих и темен. Я бы сказала – очень зловещ.

– Коооржик, – донеслось издалека.

Гигант искал песика. Меня ужасно волновало, существовал ли вообще пёсик? В совпадения верилось с трудом. Как и в то, что такой гигант может меня преследовать. Что ему могло быть от меня нужно? Я заперлась, зашторила окна. Посидела поскулила в углу. Потом вспомнила – завтра мать придет. Придётся как-то объяснить ей куда делись ковер и плед.

А вру я так себе... надо уехать.

Выглянула в окно – уже темень. А где-то в ней гигант. Выйти я не рискну – трусиха. Нужно прибраться. Вошла на кухню, увидела пресловутый бутерброд со шпротами и накатило... Лёшка умер. Я его закопала. Бог мой, взяла и закопала, своими руками! Я села на пол возле уже посохшего пятна крови и разревелась. Руки тряслись, ноги заплетались, в голове набатом – преступница!

В руки я себя взяла лишь к утру. Заставила себя отмыть посуду. Пятно крови, икая и всхлипывая. Когда рассвело решилась выйти на улицу. Тихо. Трава мокрая от росы. И невоскопанные парники под огурцы. Я сумасшедшая. Я преступница. Но я же хорошая девочка! Мама за грядки меня убьёт. И лопату я в лесу забыла.

И... я пошла в лес. Нашла свою лопату. А потом плакала в голос и копала грядки. В город вернулась заплаканной, растрепанной и грязной. Моя коммуналка показалась самым лучшим местом в мире, и плевать на перфоратор, на то, что ванная опять занята.

У двери ванной стояла табуретка. Я сама её поставила. Сажусь и жду, когда же наконец щелкнет, отрываясь, шпингалет. И сейчас села. Подожду. Тем более, здесь все так прекрасно и нормально – звук молотка из соседней комнаты, шум душа, занятого не мной, запах варящейся капусты с кухни. Всё хорошо. Так и должно быть.

Дверь открылась и в коридор вывалилась Машка. Босые

ноги, ярко алый халат, жиденья косичка и свежий синяк под глазом. Зато в самих глазах счастье, правда, замутненное алкоголем.

– Что, горячая ночка выдалась? – окинула она взглядом мои оцарапанные после пробежки в лесу руки и ноги.

– Ага, – вяло ответила я, прислушиваясь к происходящему в ванной. Вода выключилась, скоро должна выйти, если повезёт. – Горячая.

– Понимааааю, – протянула Машка. – Я тут со своим помирилась. Ну и подумает, что дерётся. А кто не дерётся? Наташке вон последние зубы повыбивали. А она терпит, судьба говорит. Зато работает.

Я вздрогнула. Вспомнилась цыганка, линии на ладони снова словно огнём обожгло. Даже руку подняла, стремясь разглядеть, что же такое происходит. Да, вроде, ничего... несколько царапин, свежая мозоль от лопаты, под ногтями – каемка земли. Позорище. А линии лежат себе, как всю жизнь лежали. Нет никакой судьбы. Человек сам её творит. Но все же... как она сказала? Забыть его не смогу? Признайся, Васька. О чем ты думаешь все эти часы? Даже занимаясь другим, то и дело возвращаешься мыслями к серому волку. Но он не судьба. Волки едят несчастных, заблудившихся девочек, а вовсе не играют с ними в любовь. Я его боюсь. Я даже не смотрела ему в лицо. Зато руки помню прекрасно. Сильные пальцы, россыпь маленьких родинок на тёмной от загара коже. Так и представляю, как они сжимается на мо-

ем горле, и хрустит, переламываясь позвоночник... бррр!!!
Я даже вздрогнула. Машка понимающе подмигнула.

– Эх, мне бы твои годы... сколько мужиков было, да и зубов поболее... – Машка с удовольствием потянулась, едва не продемонстрировав свою грудь в вырезе халата. И ушла на кухню. Оттуда ещё долго доносился её удовлетворенный голос: – Ягода малина, нас к себе маниила...

А я думала о том, когда уже несносная девчонка выйдет из ванной. Опять наверное маминой косметикой втихаря пользуется. А ещё – Лёшка умер. А на самом уголке сознания вертится надсадная, словно надоевший комар мысль – интересно, какого цвета у него глаза?

Глава 3. Елисей

Девушка была... несурзной, наверное. Я даже не вникал, была ли она симпатичной – я вообще редко мерил баб по категории привлекательности. Баба должна либо нравиться, либо нет. Если её не хочется, значит не нравится. Я вовсе не был намерен отвлекаться на женские прелести. Да если честно... она не прелестями привлекла внимание. Именно своей несурзностью.

Она словно из восьмидесятых выпала. На ней даже джинсы были такие – не дай бог, где слишком обтянет. И блузка с высоким воротником. Кто вообще надевает блузку в воскресенье? Учтывая, что из пакета торчит хрень для лейки, которая в дырочках. Хрень была ярко жёлтого цвета и тоже привлекла внимание.

Я бы прошёл мимо. Но девушка ругалась с моим клиентом. Ругалась она тоже смешно – пыталась подобрать слова, казалось, чтобы не обидеть. К тому времени я прекрасно был осведомлён о моральных качествах подопечного, поэтому уверен – обзывать его можно было по-всякому. И каждое слово было бы в точку.

Смешная и глупая. И неловкая ещё – всю свою огородную хрень рассыпала. Я так и не понял, зачем помог ей собрать. Наверное, стало её жалко. Очень странное чувство, жалость. И оно всегда не к месту. Короткое каре треплет ветром, со-

пит, и не решается на меня взгляд поднять. Боится? Я даже хмыкнул, но моей у мешки в силу своего испуга она не разглядела.

Недоразумение я выбросил из головы сразу же. Клиент мне попался нервный и дерганый. Весь день в панике метался по городу, успев порядком меня утомив. К вечеру я даже устал, тем более вёл его уже три дня. К моему счастью он потрусил на электричку, а затем в дачный кооператив. Домик был крайним, что очень удобно. Клиент долго шарил под горшками с цветами, добыл ключи. Учитывая, что он облачился в дамский халат, я сделал вывод, что в ближайший час он никуда не исчезнет.

Я фатально ошибся. Душ в ближайшей же гостинице для дальнобойщиков, чистая одежда и обед стоили мне много. Я опоздал и товарищ сбежал от меня туда, откуда мне его точно не достать – на тот свет. Я вернулся на дачи, шёл широким размашистым шагом. Чувствовал я себя отлично, по крайней мере, отдохнувшим. Народу было порядком, но я давно привык, что от меня отводят взгляд. При моих размерах быть не заметным даже странно – при росте в почти два метра я весил немногим больше сотни килограмм. Всё мои килограммы ушли в мышцы и нисколько мне не мешали. А вот людей – пугали. Как ту девчонку. Мало кто решался посмотреть мне в глаза, словно у меня на лбу написано – я убивал людей. Чтобы то ни было, моя устрашаемость меня устраивала. Чем меньше люди надоедают, тем лучше.

Не знаю, что я ожидал увидеть... но точно не то, что увидел. Пятачок был глухой, здесь толпу людей перережь, никто не заметит. Оценила это и та самая девица. Училка, подумал я, первый раз её увидев. Сейчас училка тащила труп моего клиента усердно сопя и спотыкаясь. Я подавил желание ущипнуть себя за руку – порой люди удивляли меня, хотя чего только я не видел.

Она тащила его в лес, да здесь и некуда больше. Я проводил труп и девушку задумчивым взглядом и вошёл в дом. Пятно крови на полу, рюмки водки на столе – до боли знакомая картина. Именно так и помирали большинство моему клиенту подобных. Разве только девочка в этот раз... удивила. Я прошёлся по комнатам, осмотрелся. Времени было порядком, я прикинул, сколько такое субтильное создание будет тащить труп. Поморщившись, надел резиновые перчатки для уборки, что висели через край раковины и устроил обыск. Здесь явно не было того, что мне нужно. Я слишком... заигрался и прекрасно это понимал. Как и то, что не знаю, что делать дальше. Закончив, пошёл в лес. Интересно было, закопала девочка тело или нет. Закопала. Сидела прямо возле свежевырытой могилы и нежно обнимала свою лопату. Я решительно вышел из кустов, надеясь, что моё появление юную убийцу шокирует и сподвигнет на поступки или нечаянные слова. Сподвигло. На бред.

Я смотрел на неё снизу вверх. Испачканная, растрепанная. На пыльных щеках мокрые дорожки слез. Она напомни-

ла мне крошечного лягушонка, которого я выловил на речке в детстве. Он сидел на моей ладони и лупил на меня круглые глаза. Вот и эта девушка была, как та лягушонка. Такая же маленькая, несуразная, бесполезная, и непонятно отчего – милая. Можно взять и прихлопнуть, просто накрыв второй ладонью. Но жалко. И, даже лягушонок был смелее неё – тот хоть в глаза мне смотрел. Эта же, строго на мои кроссовки.

Я подумал, что можно просто взять, и потрясти её за шкуру, и она, если не помрёт, то все мне расскажет. Но... тогда я не смогу довести игру до конца. Придётся поменять клиента. Надеюсь, эта девчонка менее суматошная, чем убитый ею мужичок.

– Кооржик, – крикнул я, отойдя подальше, чувствуя, что просто так она не встанет, перепугалась.

И правда, осмелела, понеслась домой так, что только пятки засверкали. Я подумал о том, что если на её пути попадутся деревья, то она их просто снесёт, и утром в лесу будет просека, ведущая прямиком к могилке. Девушку я проводил – на всякий случай. Закрылась на все замки, окна зашторила, словно это её спасёт. Я бы не удивился, если бы она ещё под одеяло спряталась. До утра уйти не должна. Хотя, она и подопечного моего убивать не должна была... Я подогнал машину, которую оставил недалеко, понимая, что кормить комаров всю ночь удовольствие так себе. Подобрал любезно оставленную лопату. И принялся копать.

Периодически поглядывал на дом – отсюда было видно

светящиеся окна. Что-то мне подсказывало, что девочка, способная на убийство никогда не оставит свет включённым. Не эта. Электричество же намотает.

Разрыл я быстро, благо грунт уже разрыхлили. Могила была предсказуемо неглубокой. Труп непомерно тяжёл и иметь дела с ним мне очень не хотелось, но пришлось. Я включил фонарик на телефоне и осмотрел тело. Ножевое ранение, ножик тут же, вытащить его девочка не осмелилась. Карман только один, на футболке. Закрыт на молнию, внутри телефон. Брюк на бедолаге нет, только трусы в полоску. В кармане халата фантик от ириски. Я тщательно осмотрел тело, потом завернул его в ковёр, и отнёс в багажник своей машины.

Мне нужна эта девочка. Позволить ей сесть в тюрьму – преступление. Труп я утопил в болоте в нескольких километрах отсюда, предварительно завернув в ковёр камней и замотав кокон клейкой лентой. Затем вернулся, закопал могилу. Подъехал на машине к соседскому дому и припарковался за кустами.

– Блядь, ну ведь только же помылся, – расстроился я, оглядев свою одежду.

Если я что и не любил, так это грязь. Но придётся потерпеть. Утром девочка вышла ни свет ни заря. Потащилась в лес, идти я за ней не стал, все равно все её передвижения слышно за версту. Вернулась она с лопатой. Хозяйственная.

Правильно, зачем добром раскидываться. И... снова меня поразила. Она принялась копать грядки, громко при этом рыдая. Иногда рассматривала свои ладони, останавливаясь. Ладони я уже видел – тоненькие, беленькие. Представляю, что с ними случилось после стольких трудов с лопатой. И тем не менее она копала грядки. Вскопала обе. Зачем???

– Да что же ты за зверь такой? – удивился я вслух.

Вскоре я убедился – лучше иметь суматошного клиента, чем такого зашуганного. Я довёл девчонку до дома. Ехала она на автобусе, бросать машину не пришлось, сопровождал с комфортом. Опросил местных пацанов – да, тётя живет тут. На более масштабные изыски времени не было, только проверил, нет ли второго выхода из подъезда, и засел ждать, что случится. И... ничего не случилось. Иногда шевелилась шторка на окне барышни, и все.

Я понимал, что никуда она из дома исчезнуть не должна. Но... мужика она тоже не должна была убивать. Поэтому все время подозревал в ней способности Гудини – возьмёт и исчезнет из замкнутого пространства. И даже если она не сможет уйти, тот, кто теперь к ней придёт, тот, кого я жду, может обратиться незамеченным, несмотря на весь мой профессионализм. И тогда я просто просру, возможно, единственный шанс поймать его на живца.

Девочку следовало держать при себе. Причём, меня несколько не смущало, что тот, кого жду, меня увидит – он на-

верняка уже знает, что я здесь, чего ждёт только – непонятно. Главное, не упустить. И если прошлый клиент всегда был на глазах, то эта... надо что-то делать.

Решился я к вечеру. Сподвигло на решение то, что барышня показалась из дома. Подъездная дверь приоткрылась, она высунула из неё голову, посмотрела по сторонам. Потом вытащила остальное свое тело. И, не увидев ничего подозрительного, потрусила к супермаркету. Я отпустил её немножко вперёд и пустился следом. Девчонку было видно через большие, во всю стену, окна супермаркета – взяла корзинку и припустила в отдел макарон. Очереди на кассах приличные – застрянет, но время терять не стоило.

Район тут не очень благополучный, много бараков, которые никак не снесут, и не расселенных коммуналок. Поэтому то, что мне нужно, я нашёл уже в первом же за магазином дворе. Стайка пацанов курила, залипала на идиотские видео из сети и залихватски ржала. Я подошёл быстрым шагом – сейчас бросятся в рассыпную, и отлавливай их потом, словно тараканов в темноте. Один меня заметил, дёрнулся в сторону, но попытку бегства я пресек – поставил подножку. Парень осел, вытирая пыль с лица и рук. Всё остальные уважительно затихли, только орала баба из не очень приличного видеоролика. Ещё один плюс моих размеров – меня очень боятся пацаны.

– Хватит мучить болезную, – кивнул я на телефон. – Выключи.

Стало тихо. Пацаны молчали, я их рассматривал. Годятся? Наверное... пацанам лет по восемнадцать-двадцать. Самое главное – длинные. А морды придётся спрятать, если они так близко от клиентки живут, то наверняка она их всех не раз видела.

– Значит, так, – начал я объяснять. – Уже буквально через несколько минут из магазина выйдет девушка. Подкараулим во дворе, я вам покажу. Ваша задача – спрятать лица и напугать как следует. Потом я выйду и доблестно героиню спасу. Вы мне много пользы, я вам пять тысяч.

– Вы же нас побьёте, – с сомнением протянул один из парней.

– Побить я и просто так могу, – указал я на очевидное. – А так хоть денег дам.

Парень хмуро кивнул, соглашаясь. Остальные тоже закивали. В итоге уже через пять минут я дал пять тысяч – потом времени не будет, проследил, чтобы все облачились в капюшоны, кепки и очки, и со своей этой армией засел во дворе, который девушка должна была пересечь. Отсюда просматривался выход из магазина, и даже люди ходили, но я давно заметил – вмешиваться в чужие проблемы охотников мало.

– Вот она, – указала я, когда клиентка вышла из магазина. – Ждём. Как поравняется – нападайте. Не покалечьте только, она мне ещё нужна.

И покинул место дислокации – негоже, если спаситель выскочит из тех же кустов, что и бандиты. Девушка шла, снова

испуганно озираясь. Потом немного успокоилась – до спасительного дома совсем близко. Зря успокоилась – мои ребята уже готовы, я их вижу, так как нормально спрятаться у них мозгов не хватает – то одна макушка торчит над кустами, то другая.

– Отдавай, что украла, сука! – заверещал один из них то, чему я его научил.

Выскочил из-за кустов. Тощий, длинный, нескладный. Ничего, у страха глаза велики, моя точно испугается. Следом вывалили остальные трое. У одного в руках кривая палка, видимо, в кустах подобрал.

– Я ничего не крала! – тоненьким дрожащим голосом выдала девчонка. – Никогда! Пропустите, я кричать буду! И полицию вызову!

И за пакет свой хватается, словно он её защитить сможет. Мне снова стало её жаль. Вот честно, просто так шёл бы мимо – спас бы. А пока ещё рано, пусть напугается как следует. И не кричит, хоть и обещала. Глупышка. Трясётся только, как осиновый лист.

– Они все видят, – мрачным многозначительным шёпотом выдал лидер моей банды. – Их обмануть ты не сможешь... поверь, мы только первая ласточка. Отдай по-хорошему, пока мы не принесли шефу твою голову!

Этому я его не учил, мальчишка в роль вошёл, импровизирует. Кстати, они не спешили распускать руки – видимо, не все потеряно. И как ударить девчонку – не понимали. Я

даже загордился, словно сам их воспитал, хотя знаком с ними был только минут двенадцать. Хотя выглядели они пренелепо – тот, что с палкой, например, орал и сшибал ветки кустов своим оружием. Наверное, ему казалось, что так он выглядит бешеным. Впрочем, сойдёт, клиентке наверняка тоже так кажется. Наконец, главарь понял, что надо что-то делать, так же жертва бояться перестанет, и рванул на себя её пакет с покупками. Из пакета вывалилось и сразу же разлилось молоко, в молочную лужу шмякнулись две груши и один лимон. Сверху – коробка с полезной кашей. Это я отметил уже на бегу – пора спасать девицу, пока весь спектакль не запороли. Девушка решила и завизжала.

– Не бойтесь, – громко, чтобы перекрычать визг девчонки, обещал я. – Я вас спасу.

Одному пацану дал пенделя по заднице, второго закинул в кусты. Два сбежали сами, ловить я не стал – все равно клиентка ничего не видит. Так и визжит, с закрытыми глазами. Я даже поразился мимоходом возможностям её лёгких, сразу видно – не курит.

– Бежим, – крикнул я и схватил её за руку. – Бежим, пока они не прислали ещё убийц!

Она перестала визжать и открыла глаза. Сначала увидела меня и икнула. Потом увидела пацана, который после лёгкого пинка лежал на земле и делал вид, что умирает. Немного переигрывал, но в целом у парня явные актерские задатки. Долго думать я девице не дал – схватил за руку и побежал

прочь. Бежать приходилось медленно, и тащить её за собой, словно на буксире – бегала она медленно и постоянно ози-
ралась.

– Оторвались, – констатировал я, когда мы пересекли несколько дворов.

Девушка была – краше в гроб кладут. Белая совсем, волосы растрепаны, глаза дикие. Тем не менее пыталась смотреть на меня осмысленно.

– Кто вы? – спросила, едва отдышалась.

– Я ваш спаситель, – серьёзно ответил я.

– Но я боюсь вас больше, чем тех четверых вместе взя-
тых! – пожаловалась она. – Может, не стоило меня спасать?

– Стоило, – серьёзно ответил я. – И идемте. Нам нельзя долго стоять на месте. Найдут.

И потащил её прочь. Куда – все равно, лишь бы баба под присмотром, и можно было бы, наконец, нормально по-
жрать, помыться и поспать, не боясь, что за это время мое-
го клиента уведут. Я не спал толком несколько дней, и уже
был на пределе. Протащил девушку на буксире ещё порядком
– пусть выглядит правдоподобно.

– Нужно найти место и залечь на дно, – шёпотом сказал
я, остановившись за очередным углом. – И ни в коем случае
не стоять на месте!

– Да зачем вы вообще меня спасаете? – наконец, дошло
до девушки очевидное.

Остановилась, посмотрела на меня снизу вверх. Не ото-

шла ещё – потряхивает. На этот вопрос у меня тоже заготовлен ответ. Насколько знаю, такое глупым барышня нравится. В конце концов, на что ради дела не пойдёшь.

– Я влюбился, – напустив драмы в голос, сообщил я. – С первого взгляда.

Глава 4. Василиса

Этот мутант бегал слишком быстро. Так быстро, что я не успевала думать, впрочем, шевелить ногами тоже. Он просто тащил меня за собой с необъяснимым упорством. И вообще... все слишком быстро произошло. А потом он остановился.

– Я влюбился, – вдруг сказал он. – С первого взгляда.

Я так растерялась, что посмотрела ему в глаза. Гром и молния меня не поразили, но, право слово, лучше бы я этого не делала. По его глазам невозможно понять ничего. Сначала мне показалось, что они чёрные. А потом вгляделась и поняла, что они серые. Совсем тёмные, словно свежий асфальт, вымоченный дождём. Я таких глаз ещё не встречала. Впрочем, и громил таких раньше только в кино видела. Я замерла, шокированная и его ответом, и его глазами.

– Вы издеваетесь, да?

– Нам нельзя долго стоять на одном месте, – напомнил он. – Они найдут нас.

И снова схватил меня за руку. Моя ладонь в его огромной просто утонула. И линии снова загорелись, я отбросила от себя мысли ещё и об этом – только предсказаний мне сейчас не хватало! Легонько потянула на себя руку и поняла – отобрать её смогу, только если мне бензопилу дадут. И то потом буду бежать обратно, а на моей руке – его отпиленная.

Он и потом не отпустит. Брр. И сразу с тоской вспомнила о своей коммуналке... Как там хорошо и уютно, оказывается. И как обратно хочется.

— Вы за мной следите, — обвинила я. — У вас и Коржика-то наверное нет!

— Почему это нет? — обиделся он. — Ещё как есть! Но мне слишком дорога ваша жизнь, чтобы разменивать её на пустой разговор. Идемте.

Отчего бы не пойти, спрашивается, если тащат? Я бы подумала снова покричать, но район здесь так себе, а этот тащил ещё дальше. Плюс стало вечереть. Теперь-то я испугалась на самом деле.

— Вы меня изнасилуете, да? — Великан вздохнул, отвечать не стал, но и не остановился. — Я никуда с вами не пойду, — снова подала я голос. — Отпустите меня! Я пойду домой.

Он обернулся и посмотрел на меня, как на неразумное дитя. А потом взял... и разжал пальцы, отпуская меня на свободу.

— Идите, — кивнул он. — Идите. И через вон тот лесок, в котором со мной не страшно было. И мимо всех этих домов, за углами которых вас будут караулить. Вы думаете, они ограничатся четырьмя отморозками? Вы им нужны. Вы же не хотите кончить... Как ваш Лёша.

И ушёл. Учítывая, что он убил Лёшу сам — в чем я абсолютно точно уверена, не бедного же Коржика он искал возле моей дачи — мутант был чертовски спокоен и самонадеян.

Я посмотрела на его широкую спину. Он и правда отпустил меня! Обернувшись, посмотрела назад. Мы только что пересекли то, что раньше было парком. Теперь заросло и одичало, власти обещали и ничего не делали, как всегда. Я бы сюда и днем не полезла, столько жутких рассказов про убийства и изнасилования, а потом вспомнила тех четверых... Они же и правда на меня напали. И Лёшка умер. Если громила убил Лешку, он и меня мог бы там, в лесу. И рядом с Лешкой упокоить. Я сделала шаг по направлению к дому. Парк был тёмным, и там наверняка меня ждали. А я совсем не громила, совсем! Сделала ещё шаг. А потом закричала со страху и понеслась догонять своего мутанта. Он шёл медленно, но я порядком запыхалась, пока догнала. Тот сделал вид, что ничего особенного не произошло, и на том спасибо.

Мы дождались автобус, на котором уехали ещё дальше от моего дома. И ещё дальше от цивилизации – в район, приличное название которого не помнили, наверное, и его жители. Самое мягкое из его названий, что я могу позволить себе сказать – клоака. И вот в этой клоаке мы вошли в тёмный подъезд, поднялись на четвёртый этаж. Великан отпер дверь и протолкнул меня в квартиру.

Я сразу поняла, что она съёмная. Здесь даже кровати не было великанского размера, и все такое... заброшенное. Даже в нашей коммуналке чище и красивее. Ключ заскрежетал, запирая дверь, я сразу поняла, что оплошала. Не стоило сю-

да идти!

– Тебя как зовут-то? – небрежно спросил влюблённый в меня великан, стягивая с себя кроссовки.

– Василиса, – ответила я и села на край табуреточки, не зная, куда себя девать.

– Премудрая?

– Прекрасная! – обиделась я. Великан пошёл в кухню, заглянул в холодильник, повздыхал. – А вас как зовут?

– Елисей, – проинформировал он из недр холодильника.

Я обиделась. У меня был непростой день! Я закопала труп. Успела поставить крест на своей жизни. Собрала вещи, которые могли пригодиться мне в тюрьме. Выдержала разговор с мамой, которая хватилась пропажи ковра. Весь день боялась собственной тени! Потом на меня напали. А потом... похитили. А теперь, словно мне этого мало, издеваются над моим именем.

– Отчего же не Иван-царевич? – едко спросила я.

– Это было бы слишком просто. Слушай, я пойду, душ приму. Ты это... пожрать приготовь, а?

Я вспыхнула. Но спорить поостереглась – прибьет ещё ненароком. Вода в ванной зашумела, я метнулась к дверям. Проклятье, не открыть без ключа! Поискала ключ – не нашла, видимо, он только один, и тот у великана с собой. Понеслась к окну – может, вылезу? Сразу отбросила эту мысль – я же не черепашка-ниндзя. Если начну орать, то мутант точно меня прихлопнет. Вот что же теперь делать? Я вспомнила

о том, что сытый мужчина – добрый мужчина. И вообще путь к сердцу мужчины лежит через желудок. Великанское сердце мне даром не сдалось, но и злить его – страшно. Нужен компромисс. И приготовить что-нибудь, и не стараться. Вот!

В холодильнике нашлась упаковка сосисок. В ней двенадцать штук. Сама бы я не съела больше двух. Великаны наверняка едят больше. Я закинула в кастрюльку шесть. Потом подумала и высыпала всю пачку, благо их в холодильнике ещё три. Через несколько минут горка сосисок исходила паром в тарелке, я шмякнула сверху кетчуп и сочла свою миссию исполненной.

– Что у нас на ужин? – спросил великан, входя на кухню.

Я отвела взгляд. Оказывается, великаны не слишком воспитаны и позволяют себе ужинать в одних шортах. А приличной девушке на такое буйство плоти точно смотреть нельзя.

– Сосиски, – буркнула я и все же посмотрела одним глазком.

И даже испугалась. Таких мужиков не бывает! Если только в кино. Для красоты и устрашения. Потому что именно такое впечатление он и производил – страшно красиво. Его тело невероятно сильное. Оно не казалось перекачанным, как у анаболиков из соцсетей. Оно казалось удивительно гармоничным. Но, между тем, у него имелись все эти мышцы и кубики, о которых приличный обычный мужик может лишь мечтать. Мне даже захотелось подойти и потыкать пальцем

в это великолепие – может, оно каменное?

– Хлеба хоть дай, – попросил великан, врываясь в мои мысли.

Я смутилась, пошла искать в шкафу хлеб. Отрезала кусочек. Потом вспомнила, что он великан, отрезала ещё три, положила на стол, стараясь не смотреть на мужские плечи, руки, спину...

– Я вообще-то стараюсь ограничивать приём мучного и мясного, – вдохнув, признался вдруг великан – Это же вредно. Надеюсь, что хоть картошки пожаришь.

Мне стало стыдно, и я тут же разозлилась – почему я должна стыдиться? Почему я вообще должна его кормить? Он совершенно чужой мне великан! Пусть его кормят те, у которых есть доступ к его телу! И тут же спохватилась – я что, завидую? Нет, хорошие девочки не завидуют.

Великан расправился с сосисками, повёл меня в единственную комнату. Здесь был раскладной диван и кровать-однушка. Кто где будет спать – сомнений даже не возникало, правда, я все ещё надеялась, что меня отпустят. Точнее, проводят до дома – одна я бы выйти ночью не рискнула. Мы молча застелили каждый свою постель. Я легла, не раздеваясь, не в силах поверить в то, что это вообще со мной происходит. Ау, Вася! Прием-прием!

– Имей в виду, – напомнил великан, – ключ от квартиры один. Лежит в кармане моих шорт. Карман очень глубокий. Если полезешь, спросонья могу подумать, что ты позарилась

на самое дорогое. Понятно?

И свет выключил.

– Понятно, – буркнула я и повернулась к стенке.

Кровать была чужой и неудобной, я чувствовала себя принцессой на горошине. Бедную похищенную принцессу срочно нужно спасать! Только деликатнее, чем сегодня, и можно даже на белом коне. С лентами в гриве.

– А ты кто вообще? – решила спросить я.

– Агент ЦРУ, – мрачно и торжественно раздалось из темноты. – Смотрела фильмы? Так вот, все против меня, а я один против системы. Ты – важный свидетель, я должен защищать тебя, но нечаянно влюбился. Всё, как по нотам.

– Клоун, – обиделась я и решила больше не разговаривать.

О том, чтобы уснуть не могло быть и речи. В комнате было темно, я прижалась спиной к стене и затаила дыхание. Слушала, как дышит великан. Он, казалось, уснул сразу же, как только его голова коснулась подушки. Словно для него нормально похищать девиц, пусть и попавших в беду, а возможно даже – людей убивать. Хотя, будь я его комплекции, я бы тоже ничего не боялась... Хорошо быть великаном. А вот Васькой Щегловой, которая сорок восемь килограмм весит быть совсем обидно. Все вокруг меня больше и сильнее. Я вспомнила про Лешку, который был на пятнадцать сантиметров меня выше, но это его все равно не спасло, и всхлипнула. Потом пожалела, что не взяла на кухне ножик – с ним было бы всяко спокойнее. Великан спит... Я спустила одну

ногу на пол.

– Куда пошла? – спокойно поинтересовался мутант.

– Никуда, – обиделась я, и ногу спрятала под одеяло обратно.

Мутант сожравший целых двенадцать сосисок сваренных моими руками должен был подобрать, но на своей шкуре проверять так ли это, не хотелось. Я лежала, баюкала свои обиды, страхи и израненные мозоли, прислушивалась к темноте, готовая вскочить на ноги в любой момент. А потом... Уснула. Проснулась резко, даже не сразу поняв, где нахожусь, и что происходит. Посмотрела на часы на стене – пять утра. И светло уже почти. Самое тихое время, наверняка все маньяки этого района спят. Можно сбежать. Где у него там ключ? В кармане шорт. Нет, я не решусь. Поглядела – спит. Вытянувшись в струнку, руки на груди сложив, словно покойник. Ступни свисают – не влез великан на диван целиком. Ну точно же, спит! Вон как спокойно дышит. Засунуть руку в карман, вытащить ключ и сбежать – что может быть проще?

Часы на стене советские, старые совсем – такие у моей ма-

мы в кухне висят. Степка шутит, что скоро их можно будет продать как антиквариат. Раньше, ребёнком, я ночью просыпалась и слушала, как мерно отщелкивает минутная стрелка – звук успокаивал. А вот теперь напрягал и казался совсем лишним. Гигант не шевелился, только грудь поднималась, все также мирно свисали с дивана пятки. И каждый раз, когда стрелка нарушала тишину, я думала – вот сейчас проснётся. Не просыпался.

Я тихонько встала. Чуть скрипнула кровать, но полы не подвели – дешёвый, не способный скрипеть линолеум. Я подошла к дивану. Сказать, что во сне гигант казался милым или добрым – наврать. Я боялась его ничуть не меньше, чем вчера. Странно, но сейчас он казался даже более опасным. Одеяло он презрел, поэтому я могла сколько угодно любоваться его безупречным телом. Но теперь-то при утреннем свете я могла разглядеть, сколько на его коже рубцов и шрамов. Да, громилам явно живётся ничуть не легче, чем Васькам. Но жалеть его не надо. Не стоит забывать – во что бы я ни влипла, выпутываться мне придётся самой.

Я затаила дыхание. Потянула руку к карману. Вот он – совсем близко. Засунь руку, возьми ключ, тихонько открой дверь и задай стрелкача. Бросила короткий взгляд на его лицо. Просто не удержалась от любопытства. Когда ещё рассматривать гиганта, как не во сне? Он не был красив, нет. Пожалуй, черты его лица слишком резкие. Да и могло ли быть иначе с таким-то телом? Было бы странно иметь тело иде-

ального убийцы и лицо ангела. Всё в этом мире должно быть гармонично, какой бы эта гармония ни была. Моя рука протянута к карману, но вдруг захотелось поменять направление. Легко коснуться сомкнутых век, едва задев, пройтись по кончиками ресниц. Пробежаться пальцем по не раз сломанному носу – его старательно вправляли, но все же не смогли убрать следы полностью. С кончика носа соскользнуть на чётко очерченные, тоже, словно вырезанные, губы. Наверное, они совсем сухие, возможно, даже грубые. Нехорошее, совсем плохое желание, его я подавила. Оно не свойственно Ваське Щегловой, видимо, ветром надуло. Следом за желанием я подавила вдох и полезла-таки в карман.

Несмотря на всю мою закомплексованность у меня были мужчины. В количестве целых две штуки. С Ванькой встречалась ещё в институте, но он счёл, что я слишком скучная и правильная. Он продержался почти три года и сдался. Потом, после достаточно долгого времени, у меня появился Лёшка. Но тут уж я сломалась сама, хотя отдельное спасибо нужно сказать Ангелине.

Поэтому я в принципе вправе считать себя дамой опытной. Однако то, что я нащупала в кармане, все же меня шокировало. Да, я знаю, что у мужчин по утрам случается непроизвольная эм... эрекция. Но как-то неожиданно было ощутить её в кармане громилы. Тем более он не шутил, карман и правда глубокий. И ткань совсем тонкая, в общем, даже слишком много я всего ощущаю. И вытащить руку об-

ратно будет как-то нелепо – уже решилась, уже, можно сказать, потрогала за предмет половой принадлежности, куда назад-то теперь? Тем более кончиками пальцев я ощущала нагретый телом мутанта металл – ключи. Всего-то опустить руку немного глубже, подцепить за колечко и вытянуть их наружу. Но тогда получается, я его снова за это самое потрогаю. Я стояла в сомнении секунд десять, застыв с рукой в кармане, не позволяя себе вытянуть её наружу, и не решаясь пропихнуть дальше. Уже готова была расплакаться от отчаяния. Подняла глаза, чтобы удостовериться в том, что мутант спит. И наткнулась на его взгляд. Совсем спокойный. Лежит, смотрит на меня, изучает. И при солнечном свете понятно, что да, точно глаза не чёрные – серые. Я думала, смутиться дальше некуда, но тут то, что я ощущала, засунув руку в карман, ощутимо увеличилось в размерах.

– Мы перешли на новую ступень отношений? – поинтересовался мутант.

– Нет, – вскрикнула я и отдернула руку.

Заметалась – куда можно спрятаться в однокомнатной квартире? Закрылась в ванной. Посидела немножко на полу, успокаиваясь. Измученная мозолями ладонь теперь горела вдвое больше прежнего, напоминая о том, как я низко пала.

– Не хотел бы мешать тебе страдать, – раздалось из-за двери, – но ванная у нас одна.

Я встала. Дверь хлипкая, больше чем уверена, что, разозлившись, он её запросто сломает. Не следует злить таких

громил! Торопливо умылась холодной водой, причесала волосы пальцами. С тоской посмотрела на зубную щётку в стакане – единственная. Васька Щеглова очень заботилась о своих зубах, даже пломбы ни одной до сих пор нет. И мысль, что сегодня зубы почистить не удастся, причиняла буквально физическую боль. Может, взять щётку громилы? Но щётка – это святое. Тогда он меня точно убьёт. Я вздохнула и выдавила немножко пасты на палец – теперь он у меня и вместо щётки, и вместо расчески. Потом пришлось решиться и выходить.

Громила стоял в коридоре, терпеливо ждал, полотенце висело через плечо. Видимо, тоже коммунальный опыт есть. Я проскользнула мимо бочком – попой задела стену, так много мужчина занимал места. Пока он был в ванной, снова помучила дверь – безрезультатно. Вернулась в кухню и присела на уже знакомую табуретку.

– Вы обязаны меня отпустить, – сказала, когда мой пленитель занял огромным телом, казалось, все пространство кухни. Загорелый, на груди капли воды. А в лицо снова смотреть страшно. – Немедленно.

– Почему это? – удивился он. – Учítывая, что ты потрогала меня за самое сокровенное, это ты обязана, причём ни много, ни мало, а именно на мне жениться.

Я даже ойкнула от такого произвола. Какое трепетное существо, за писю ему подержались! В моей голове никак не укладывалось, что можно просто взять и так спокойно удер-

живать человека помимо его воли. Словно ничего странного вообще не происходит, норма.

— К тому же я влюбился, — продолжил он, наливая в кастрюльку воды, ставя её на огонь и засыпая овсянку. — А я очень ранимое и закомплексованное существо, меня девочка бросила в девятом классе, с тех пор психологическая травма и боязнь отношений. Ты, можно сказать, вздохнула в меня жизнь. Теперь твоя жалостливая бабская сущность должна возжелать в срочном порядке приголубить меня на своей груди.

— Господи, какой болтун, — восхитилась я. — А по виду и не скажешь. Но вы вешаете мне лапшу на уши. Серые волки красных шапочек не любят, употребляют их строго внутрь — едят.

— Какой волк?

— Серый. Это вы. А я красная шапочка. Маленькая, несчастная и пленённая.

Он ещё разок помешал кашу. Попробовал. Добавил щепотку соли, а потом горсть изюма. Он ещё и гурман! Затем повернулся, посмотрел на меня сверху вниз, правда, я взгляд снова отвела. Не нужно тут меня гипнотизировать!

— Знаешь, я думаю о другой сказке. Царевна-лягушка и царевич. Я тут, конечно, царевич, ты, соответственно, лягушка. Вот увидишь, стоит нам поцеловаться, у тебя сразу на голове корона, а с головы коса по пояс.

Я поморщилась. Похоже, мне его не переболтать. Но он

останавливаться не намерен. Чуть наклонился, чтобы быть со мной на одном уровне, глаза закрыл и губы трубочкой вытянул. Мне захотелось стукнуть его сковородкой по голове, но духу не хватило. Следом захотелось расплакаться – я совершенно беспомощна, а надо мной ещё и издеваются!

– Не хочешь становиться царевной? Ну, как хочешь. Давай кашу есть. Я люблю, когда в бабе тела побольше, а на тебя без слез не взглянешь.

Я снова проглотила обиду. Кушать вроде не хотелось, но едва посмотрела на кашу, как в животе заурчало. Когда я ела в последний раз? Я потянулась за ложкой, задела ею одну из мозолей и поморщилась – больно. Мозоли успели надуться, лопнуть, потом снова надуться и лопнуть. Сейчас подсыхали, и любое прикосновение причиняло боль. Я старалась пользоваться левой рукой – на ней мозолей меньше, но кушать левой красиво не выходило.

– Дай.

Голос громилы вдруг снова серьёзным стал, словно и не занимался увлечённо клоунадой минуту назад. Руку я спрятала за спину, но кто меня когда слушал? В общем, он легко сломил моё сопротивление и, скорее, любовался мозолями. Гигант снова стал страшным – молчаливым, загадочным. И... заботливым. Неожиданно. Принёс аптечку, помазал мои руки вонючей мазью, наклеил пластырей всевозможных форм и размеров. А потом сел завтракать, словно ничего не случилось. А я смотрела на свои ладони. Как-то все....

Неправильно.

– Ешь, – напомнил гигант.

Глава 5. Елисей

Наверное я допустил много ошибок. Не нужно расслабляться. Но эта девчонка была такой нелепой и смешной, что вести себя с ней серьёзно не очень получалось. С таким важным видом сидела и ела кашу, словно на приёме у английской королевы, а не на окраине города, в съёмной однушке, на стенах которой отслаиваются обои. Когда я снимал квартиру руководствовался именно тем, что в этом районе мне никто вопросов задавать не будет, а вот царевне-лягушке здесь совсем не место. Ничего, перетерпит.

После завтрака я занялся тем, чем и планировал – ничем. Девушка уже у меня, осталось ждать. Подожду денёк, если ничего не случится, то пойду пленницу выгуливать – пусть увидит, как можно больше народу. Я лёг на бесячий короткий диван, закинул ноги на подлокотник и закрыл глаза. Кочевая жизнь меня давно приучила – отдыхай всегда, когда есть возможность.

– Нет, так больше продолжаться не может, – заявила девушка перемыв посуду. Причём я не говорил ей этого делать, сама инициативная. – Вы похитили меня, чтобы я покрылась здесь плесенью в забвении?

– Чтобы любоваться и ни с кем не делиться, – ответил я не открывая глаз.

Все же, слишком шумная лягушонка попалась.

– Да вы не любуетесь! – возмутилась она. – Вы спите!

– Я вижу вас во сне, – и повернулся на другой бок, от неё подальше. Все же, нужно было снимать двушку. – Здесь вы голая.

Девушка задохнулась от негодования, походила по комнате, видимо, слова подбирая. Подобрала.

– Вы не имеете права смотреть на меня без одежды! – выдала наконец она.

– Мой сон, – возразил я. – Что хочу, то и имею.

Наверное, столько слов, сколько я высказал за последние сутки, не произносил и весь последний месяц. Нелепая девчонка просто вынуждает меня говорить. Она пометалась ещё, но в комнате восемнадцать квадратов, особо не побегаешь. Потом уселась на свою кровать, которую она кстати не забыла заправить утром. И... разревелась.

– Уже восемь утра, – принялась умолять она. – Мне скоро на смену. А я никогда, никогда не пропускала работу! У меня паническая атака!

Смешно, но в её голосе и правда паника.

– Расслабься, – посоветовал я.

– Меня уволят, – простонала девушка. – Точно, уволят. Ещё премии лишат. Юлька не даст мне двух тысяч! И вообще, я не знаю, что делают люди, когда не ходят на работу!

– Спят, – сказал я. – И тебе спать советую. Не уснёшь, закрою в туалете, в темноте, выключатель то в коридоре.

Девушка изобразила крик раненой чайки и утихла. Точ-

нее, перестала болтать. Но сопела, пыхла, всхлипывала – поразительно шумное существо. Рыдать из-за пропущенной работы!

– Туалет, – суровым голосом напомнил я. – До вечера. По-лезешь ко мне в карман, имей ввиду, я месяц не трахался.

Она затихла так резко, словно кнопку выкл нажали. На-до бы может изобразить насильника, чтобы больше боялась? Через полчаса я посмотрел на неё – и правда спит. Щеки мокрые от слез, глаза опухли, под лицо подложила ладошку в пластырях. Чудо юдо. Я и сам уснул. Вечером хотел было за-ставить гость чистить картошку, потом вспомнил, что у неё мозоли, пожалел. Закинул вариться кусок говядины на ко-сточке и деловито шинковал капусту. Моя лягушонка при-тащилась за мной из комнаты и села на свою любимую табу-ретку.

– Вы должны мне рассказать в чем дело. Если... не рас-скажете, я сделаю что-нибудь. Например выброшусь в окно. Или буду кричать, пока кто нибудь из соседей не вызовет по-лицию.

– Удачи, – пожал плечами я и принялся чистить морковь.

– Я имею право знать!

Я отложил морковь и повернулся к нарушительнице мо-его покоя. Та не отрываясь смотрела на ножик в моей ру-ке. Словно для того, чтобы убить крошечного лягушонка мне нужны колющие предметы. Одного хлопка достаточно. Я провел пальцем по лезвию, кстати, достаточно тупому, де-

вица вздрогнула. И правда, смешная.

– Имеешь, говоришь? Ну, ладно, я расскажу. Так вот. Твой Лёша кое-что украл. Кое-что мне совершенно ненужное, зато дорогое для большого количества других людей. А один из них много чего мне должен. Заметь – даже не денег. Так вот, он за этим самым краденным придёт. И пойдёт конечно к тому, кто замочил бедного Лешку и нужность его спиздил. То есть, к тебе. Все ясно?

Девушка приоткрыла рот и посмотрела на меня похлопав глазами. Если бы не видел, как она тащит и закапывает труп, вот прямо сейчас и поверил бы, что она не виновата. Но я-то видел.

– Но... я не убивала его!

– А кто? – хмыкнул я.

– Вы! Лешку убили, а теперь меня хотите!

И метнулась мимо меня к дверям, словно забыв, что они закрыты. Я легко поймал её одной рукой – она беспомощно забарахталась, не в силах вырваться. Задумался. Если на минуту допустить... что она и правда не убивала, то что получается? Хренотень. Пока я сижу тут и охраняю невиновную лягушку, тот кто мне нужен сделает свои дела и исчезнет. Ищи его потом ещё лет пять. Девушка пыхтела, ерзала в моих руках, порядком отвлекая от мыслей.

– В окно, говоришь? – спросил я у неё. – Сейчас устрою тебе окно.

Пошёл в комнату, окно на кухне слишком мало для таких

целей. Открыл обе створки свободной рукой. Потом пере- хватил свою лягушонку поудобнее, словно невесту собрался переносить через порог перед первой брачной ночью. И... склонился над подоконником, опустив руки и позволив де- вице повиснуть снаружи, попой вниз.

Глаза её распахнулись, она даже дышать перестала. Попы- талась вцепиться в подоконник рукой, но её пальцы я легко разжал. Попыталась за меня, но футболки на мне не было, и её руки просто беспомощно скользили по коже. Наверное, она боялась, что я могу уронить её нечаянно. Нечаянно – нет. Хоть весь день бы так простоял, весила эта девочка яв- но меньше мешка картошки. А вот специально – запросто. И надо бы девочке это уяснить, она слишком осмелела.

– Ты убила Лёшу? – почти ласково спросил я.

– Нет! Нет! Отпустите меня! То есть, не отпускайте, зата- щите меня в квартиру, я высоты боюсь!

И глаза зажмурила. Одной рукой таки уцепилась за мою шею, обхватить не сможет, но хватка больнючая. Я подумал – врет ли? Или нет? И затащил её в квартиру, пока и прав- да, не упала или кто полицию не вызвал. Сбросил мешком на кровать. Девушка свернулась калачиком и заплакала. От её слез я порядком устал. Ушёл на кухню, сел, погрузился в свои мысли. Что же теперь, блядь, делать?

Удар обрушился внезапно. Я не испугался, испугать меня вообще не просто, я... удивился. Повернулся, в дверях кух-

ни стоит девица, в руках веник искусственных цветов, они в вазе стояли на трюмо. Вот ими она меня и ударила. Замахнулась, ещё раз ударила.

– Никогда! – крикнула она, нанося суматошные удары, – Никогда больше так не делайте, слышите???

Я прикрывался рукой. Пластиковый букет ощутимо обжигал голую кожу. Что вот делать с этой храброй лягушкой? Прибить, до конца в окно выбросить? Терпеть мне надоело, я поднялся, букет у неё отобрал и выкинул в сторону. Гляжу на неё – грудь ходуном ходит, в глазах слезы, кулаки сжаты, почти все пластыри с ладоней облетели. Губу прикусывает. Не храбрая она нисколько, прикрикни сейчас на неё – умрёт со страху. Просто... глупая слишком. До безрассудности

– Ты меня совсем не боишься? – как можно более милым тоном поинтересовался я.

– Боюсь, очень боюсь, – шепнула она.

– А чего тогда дерешься? Ты в курсе, что я тебя одной ладонью прихлопнуть могу?

Она кивнула и попятилась назад. Уперлась спиной в запертую дверь. Что делать сейчас будет? Может, заголосит? Нет. Все губу свою кусает, как бы не откусила ненароком. И мой взгляд то и дело возвращается к её губам, все жду, выступит капля крови от таких стараний или нет.

– Потому что так делать нельзя, – снова шепнула она и снова за губу свою принялась.

И в глаза не смотрит. Вообще словно глядит куда-то в ту-

манную даль сквозь меня и трясётся всем телом. Непонятная зверушка. И злюсь я на неё. Может, и правда, прихлопнуть и дело с концом? Выходит, и не нужна она мне, только зря представление устраивал.

– Как ты меня про себя называешь?

И правда, интересно стало. Она же такая вся... домашняя, моя лягушонка. Белая, чистенькая, в блузке. Жизни настоящей не видела и точно считает себя лучше меня.

– Громилой, – начала она еле слышно. – Великаном. Ещё иногда мутантом.

Я запрокинул голову и засмеялся. Мутант, надо же! Мне это даже нравится.

– И что мне с тобой теперь делать? Давай в окно выброшу до конца. Понимаешь, мне очень не нравится, когда меня бьют. Особенно такие вот тихони. Прямо сразу такая кровожадность во мне просыпается.

Бойтся. И взгляд заметался. Неожиданно, но мне ещё и обидно. Я по определению плохой. В садике ещё им начал быть. К подростковому возрасту меня даже мама опасалась, это легко читалось в её взгляде. Маму обидеть я бы никогда не смог, но вот ожидания остальных вполне оправдывал. Ненавижу тихонь, отличниц, девочек пай из благополучных семей. Относятся к тебе, как к червяку, а сами поглядывают плотоядно. Нормальным человеком считать отказываются, а вот для постельных утех вполне гожусь. А у этой даже на такие мысли духу не хватало.

– Сынок, ты же хороший, – гладила мои волосы мама.

Хороший, ага. Когда сплю. Для мамы я ещё старался, но её не стало, когда мне было шестнадцать. До совершеннолетия два года, во мне росту под два метра, но кого это волновало? Все равно упекли в детдом, где до восемнадцати и продержали. И это тоже моей хорошеести не прибавило. Зато ненависти к таким вот чистеньким девочкам стало больше. Я старался держаться от них подальше, право слово, разве нужна мне их чистота? А теперь смотрю на одну из них, и что делать со свалившимся внезапно счастьем не знаю. Убить? Смешно. А вот показать кто хозяин можно. Смотрю на её губу прикушенную и идея просто сама в мозг лезет, не давая ни о чем другом думать.

– Мутант, говоришь? – переспросил я. – А смогла бы ты такого мутанта поцеловать?

– Н-нет...

И после этого «нет» от такой зашуганной, по сути лягушонки я разозлился совсем. Во мне проснулось упрямство и давно уже позабытое желание сделать назло. Эти два качества, по мнению мамы и являлись корнем большинства моих проблем.

– В окно выброшу, – я говорил вполне серьёзно, даже сам в это поверил. – Прямо сейчас.

Она тоже поверила. Сделала шаг ко мне. Глаза закрывать не стала. Они карие, большие, а из-за блестящих в них слез вовсе кажутся огромными. Мне даже жалко её стало. Хотя,

какая жалость, если я хренов мутант? Серый, блядь, волк. Пусть целует. Потом понял – даже на цыпочках не дотянется и чуть наклонился к ней, чувствуя себя весьма нелепо. Чем занимаюсь, вообще? Мы едва соприкасаемся губами, на редкость неуклюжий и странный поцелуй. Я касаюсь её губ языком, пробую на вкус. Они солёные от слез. Такими темпами она насквозь просолится, как селёдка. Она же всхлипывает, словно... я сожрать её собираюсь. Я хренов насильник трепетных и непременно девственных дев! Отодвигаю девушку от себя, и чувствую себя гадко – словно в грязи испачкался. Хотя по сути, если забыть, что сия пигалица недавно тягала труп по лесу, над ней можно смело труп рисовать.

– Харе рыдать, – мирно попросил я. – Задрало.

Девушка сбежала в ванную. Угадайте, зачем? Правильно, рыдать. Я вернулся на кухню. Подготовка всегда помогала мне сосредоточиться. Вот и сейчас, мерно стучит по разделочной доске ножик, и в такт ему шестерёнки в голове крутятся. Лягушонка не убивала. Невероятно, но факт. Но кто это сделал? То, что пропало ещё не найдено – мне бы сообщили. Полезные знакомства отличная штука. Значит оно либо у моей лягушонки, либо у тех, кто Леху упокоил. Он точно никому не звонил, меня озаботил этот вопрос, и переадресацию с его вызовов на свой телефон я поставил ещё днем того воскресенья, умыкнув на минуту мобильный в маршрутке. Алексей не знал, как ему быть и в панике метался по городу, не зная, куда ему идти. В тот день у него было три

встречи. Одна из них – с моей, рыдающей в ванной девицей. И я на все сто уверен, что во-первых, за ним не было никакого хвоста, кроме меня. Во-вторых – решение спрятаться на чужой даче товарищ принял спонтанно. Кто его мог там найти? Однозначно кто-то из знакомых. Значит, лягушонка мне ещё пригодится.

– Сейчас сломаю дверь, – крикнул я, выглянув в коридор. – И тогда тебе точно будет негде рыдать.

Щелкнула задвижка и моя зареванная клиентка вышла. Ушла в комнату и спряталась под одеяло. Тем временем борщ был готов, пах замечательно, уверен, гостя тоже голодна. Церемониться мне с ней надоело, я сдернул с неё одеяло. Она вскрикнула, руки на груди скрестила, пытаюсь спрятаться хоть так.

– Да не посягаю я на твою честь! – рассердился я. – Встаёшь, кушаешь. Потом стараешься быть мне полезной. Если получится – отпущу.

– Честно?

Я вздохнул и вернулся на кухню. Она тихонько за мной следом. Ела осторожно, словно отравлено, и на меня мельком поглядывала. Злость во мне ещё не стихла, на неё, за глупость и безрассудство, на себя за импульсивные поступки. Поэтому я ел молча. Вообще, молчание – золото. Это я на своём примере понял, и уже очень давно. Забросив тарелку в мойку, отыскал в комнате тетрадь школьную, в клетку. По математике, Филиппов Игорь, второй класс одиннадца-

той школы. Уже пожелтела от времени, зато половина страничек не исписана. А по первой половине судя Филиппов был заядлым лоботрясом. Карандаш лежал на трюмо. Я сел и принялся рисовать. Чужое лицо выходило слишком резким, сказывалось моё раздражение. Оно проявлялось на странице линия за линией, и всклокоченные волосы, и хитрые глаза, и торчащий кадык.

– Вы рисуете? – изумилась лягушонка за моей спиной.

– Ещё умею читать и писать, – отчитался я. – Таблицу умножения помню. Если напрягусь то и логарифмы. Мужичка узнаешь?

– Это Федот. То есть... его так не зовут, кличка. А как зовут я не знаю. Это Лёши друг.

– Потом все расскажешь.

И принялся за второй портрет. Это женщина. Молодая, наверное, и тридцати нет. Коса неожиданная, толстая, сейчас таких не носят. Крупные черты лица, впрочем, достаточно выразительные. А в глазах та же хитринка, что и у первого. Девушка ойкнула. Понятно – знает.

– Это Ангелина. Моя подруга. И бывшая Лешки.

– А ты Лешке кто? – поневоле заинтересовался я.

– Тоже бывшая... Он сначала меня бросил, а потом его Ангелина бросила. Но мы с ней дружим всю жизнь.

– Святая простота, – вздохнул я. – В общем, звонишь своей Ангелине. Выманиваешь. Мы её похищаем. Обижать не буду, в форточку тоже – она тебя потяжелее. Учти, мы её спа-

саем. Иначе её тоже убьют, как Лёшку вашего. Потом тоже самое с Федотом. Потом я дожидаясь гостя, который непременно придёт, и всех троих отпускаю с миром. Понятно? Я клушка, вы мои цыплятки.

Девушка кивнула, явно мне не доверяя. Как бы не замыслила чего, тихоня. С такими надо всегда настороже нужно быть, мало ли какие мысли бродят в хорошенькой головке.

– Номер подруги наизусть помнишь?

Снова кивнула. Я полез за телефоном. Надо лягушонку посадить так, чтобы разговаривая окошко видела, а то мало ли, забудется, ляпнет лишнего. Телефон я ей протянул. Она приняла его, а потом в глаза заглянула, что вообще редко делала.

– А можно, я маме позвоню? Она наверное волнуется... Я всегда ночью дома, понимаете.

Я подавил тяжёлый вздох. Сам связался с детским садом, сам виноват. И махнул рукой – звони. Только главное реветь опять не вздумай.

Глава 6. Василиса

Поразительно, столько всего произошло, а больше всего меня задело то, что он не захотел меня целовать. Я... обиделась, вот. То есть, я сама не захотела бы с ним целоваться даже под страхом смертной казни, а вот то, что этого не хочет он, обидело. Я шагнула вперёд, а он едва губами коснулся и отодвинулся. Посмотрел ещё на меня, как я смотрю на тараканов и пауков, которых считаю невыразимо противными. Я противная, вот.

Заперлась в ванной, рассмотрела себя как следует в зеркале. Ну, нечёсаная да. Я же не виновата, что у мутанта волосы только ёжик короткий, и поэтому он расчесок не держит. А пальцами в мозолях особо не расчешешься. И ревела. Опухла. А кто бы не ревел? Ни крема тебе тут самого завалящего, ни пудры... Хотя, я всегда считала себя хорошенькой. Не красотка с обложек журналов, нет. Но... милая же. И глаза у меня красивые, пусть и скучно карие. И фигурка, пусть и тощая, но пропорциональная. А тут... Громиле симпатичной не кажусь. Не хотят меня целовать.

Пошли уже сутки, как меня оторвали от дома р средств гигиены. Я вздохнула и потянулась к зубной щётке моего пленителя. Сначала потерла ею о кусок мыла, потом хорошенько промыла горячей водой. А потом... почистила зубы. Громила, конечно, был страшным, но брезгливости не вызывал

– вон какой чистенький и белозубый. А я... докатилась. Помылась, как сумела, повесила сушиться свои единственные трусы на батарею, прикрыв салфеткой – все же, неприлично. Хотя, и без трусов ходить неприлично, хотя кто в штанах заметит.

Мутант вновь меня поразил. Он... рисовал. Лица из-под карандаша выходили удивительно живыми и узнаваемыми. Казалось, он даже характер Линки передал, как только сумел? Мне бы чувствовать себя предательницей, а я обрадовалась. Вместе с Ангелиной мы точно что-нибудь придумаем. Она не такая трусливая, как я. Поэтому выманила её на встречу, на которую она даже согласилась.

А мы пошли к моему дому – оказалась, что здесь рядышком припаркована машина мутанта. Точно, следил за мной, а ещё отнекивается. Дом высился надо мной так знакомо, так... скучно.

– Мне нужны вещи, – строго сказала я.

– Никакой лишней возни, – лениво ответил мутант.

– Я... тогда я вас слушаться перестану! И зубы буду чистить вашей щёткой!

Он вздохнул, посмотрел на меня привычно, как на дурочку, и согласился. Одну, естественно, не отпустил, пошли вместе. Лифта не было, по ступеням громила мог бы подыматься куда быстрее меня, но, терпеливо ждал.

– Прихлопну, – напомнил он. – Как лягушонку.

Я кивнула – помню, помню... В квартире непривычно пу-

сто и тихо. Длинный коридор кажется совсем тёмным. Пахнет едой. И нищетой надоевшей тоже. Громила в моей комнате сразу вольготно уселся на единственное кресло. То жалобно скрипнуло, точно, сломается. По сторонам поглядывает. Я полезла в шкаф. В небольшую дорожную сумку смену одежды, книжку. Зачем-то... косметику, которой я вообще редко пользовалась. Поглядела мельком на громилу, не прокомментирует ли, но он, казалось, не заметил. Ну, правильно, чего меня замечать...

В коридоре зашумело – кто-то явился. Я вполне могла бы привлечь внимание. Выкрутиться. Не знаю, тайный знак Машке подать. Машка вообще охоча до приключений. А потом что? Я присела на краешек кровати, тиская в руках ту самую взятую с расчётом на скуку книжку. Снова сюда, так сразу? Утром на работу... там, наверное, потеряли меня. Юлька одна работает. Я вспомнила, сколько смен она упростила меня взять на себя. Когда за деньги, когда за шоколадку, когда по доброте душевной и ощутила... злорадство. Так Юльке и надо. Посмотрела снова на мутанта. Огромный. Наверное, злой, как иначе? Но какой-то... привычный уже. И идея искать помощи, как-то сама гаснет, толком и не сформировавшись. Ведь жить обычной жизнью я всегда успею, столько лет жила... В кои то веки что-то необычное произошло.

Понимание того, что я не хочу ломать ситуацию меня пугает. Тискаю несчастную книжку, страницы жалобно скри-

пят, мутант вон заинтересованно на меня поглядывает.

– Я все взяла.

– Щётку не забудь.

Однако хорошо, что я не сказала ему, что разок к помощи его щётки уже прибегала. В коридоре нас таки отловила Машка. Стоит посередине, вроде щуплая, а не обойти.

– Вот ты чего пропала.... – протянула задумчиво она. – Ну, что я могу сказать.... Одобряю.

И свистушка соседская выскочила на шум. И эта туда же – всего шестнадцать девочке, а чуть не облизала моего мутанта глазами! Я даже рассердилась, можно подумать для них его привела. И этот ферзь стоит, словно и не спешит никуда, плечи расправил.

– Нам идти нужно, – шёпотом напомнила я, словно это мне нужно было Ангелину отлавливать.

Машка, конечно уже не первой свежести продукт, а вот Сидоровых дочка слишком свежа, настолько, что я, пожалуй, перед ней меркну. Мутант послушно вышел в подъезд, загрузился в автомобиль. Встречу Линке мы назначили в достаточно глухом месте, за нашим районным кинотеатром, надеюсь, это её не напугало. Мы припарковались, мутант принялся меня инструктировать.

– Отвлекаешь её разговором. У меня, – он потряс бутылочкой, – хлороформ. Я подкрадываюсь сзади, и твоя подружка наша. И помни, вздумаешь финты выкидывать, у меня на тебя куча компромата.

Сначала я обиделась. Потом подумала – как такой громила будет подкрадываться? А потом меня осенило.

– А что же меня с помощью хлороформа не украл? Не пришлось бы по кустам бегать.

– Я же влюбился, – обиделся мутант. – А когда я влюблен, я удивительно деликатен.

А я уже успела забыть, какой он клоун. За кинотеатром было тихо, кусты зелёные, урна полная пустых бутылок, россыпь шелухи семечек под единственной лавочкой. Отчего бы не посидеть? Можно притворяться, что ничего особенного не происходит. У всех девчонок нашего района были тут свидания, а у меня не было. Я покосилась на мутанта. Не свидание, конечно.... Но он то о моих мыслях не знает. Идиллию испортила только показавшаяся из-за кинотеатра бабулька с авоськой. Девять вечера уже, куда её несёт? Нет, бабуля мне не мешала. Себе мешала я. Бабушке было явно тяжело, она словно согнулась вся, пытаюсь удержать свою ношу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.